

Александр Эртель

Барин Листарка

Александр Иванович Эртель

Барин Листарка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661745

А. И. Эртель. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«С шестьдесят первого года нелюдность Аристарха Алексеича перешла даже в некоторую мрачность. Он почему-то возмечтал, напустил на себя великую важность и спесь, за что и получил от соседних мужиков прозвание «барина Листарки»...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Александр Иванович Эртель Барин Листарка

Кому случалось в былые, дореформенные времена колесить крепостную Русь, тот, вероятно, примечал некоторую особенность в расположении дворянских убежищ. Богатые барские усадьбы с бесчисленными службами и домом-дворцом, воздвигнутым по плану какого-нибудь Растрелли, в свое время искавшего милостей помещика-вельможи, гордо и одиноко громоздились где-нибудь на возвышенности, царствующей над окрестностями, окруженные цветниками, садами и парками, и лишь в почтительном отдалении от таких усадеб тянулись бесконечными улицами многолюдные крепостные села с белокаменными церквями, широкой базарной площадью, а иногда даже и с пожарной каланчою. Поместья, принадлежавшие дворянству средней руки, с надворными постройками, более рассчитанными на солидность и прочность, чем на изысканность и щегольство, и господским домом с вечным мезонином наверху, обыкновенно ютились себе где-нибудь на отлогом полускате и отделялись от деревни, потонувшей в зелени раkit и в матовом золоте многочисленных скирдов, много-много что сквозной каменной оградой, на диво сложенной крепостными каменщиками, или

узеньким прудом с навозной плотиной, усаженной развесистыми ветлами, и с водяной мельницей, неустанно гремевшей и брызгавшей колесом своего единственного постава и немилосердно пудрившей прохожих мелкой мучной пылью. Около таких поместий не зеленелись парки и английские сады с подстриженными деревьями и таинственными павильонами, не сверкали молочной белизною дебелые Венеры и Дианы и не звенели свежими брызгами фонтаны с неизбежным тритоном и полногрудыми, до излишества, наядами... Дворянство средней руки не любило этих затей во вкусе рококо¹. Не выписывало оно соблазнительных, но дорого стоящих мраморных изваяний, не строило фонтанов, сочивших холодные водяные струйки устами сердитого нелюдима Нептуна и его многочисленной челяди, не уродовало ножницами пышной древесной листвы и не воздвигало, на страх и грозу крепостных девок, вычурных павильонов, изукрашенных скоромными картинами, зеркалами и фантастическими арабесками. Вековой запущенный сад, из конца в конец оглашаемый звонким соловьиным рокотом, пронзительным писком копчика и заунывным кукованьем кукушки, дремучий сливняк и вишенник, тысячи яблонь и груш, целые поляны малинника, смородины и другой ягоды, тенистые кленовые и липовые аллеи, березовые рощи с веселым блеском сво-

¹ *Рококо* – архитектурный и декоративный стиль, получивший свое развитие в первой половине и середине XVIII века во Франции, в период кризиса абсолютизма. Для стиля рококо характерны причудливость, изощренность форм.

их стволов и болтливим лепетом глянцеви́тых листьѳев, – вот что окружало поместье дворянина средней руки и, в перво-бытном изобилии, давало неисчислимые сорта мочений и солений, парений и наливок для его неприхотливого стола, а в случае надобности – объемистые пуки гибких розог для мужицких крепостных спин.

Эти поместья, так же как и усадьбы богатых тысячедушных бар, были раскинуты на довольно значительном расстоянии друг от друга, и только поднявшись на гористый берег какой-нибудь реки и окинув с него взглядом привольную низменную даль, протянувшуюся на десятки верст видимо глазу, вы могли бы счесть пять-шесть дворянских вотчин, подобно белоснежным лебедям улѳепивших там и сям полускаты берега. Самое пространство земли, примыкавшей к такому поместью или к такой усадьбе, и иногда достигавшее размеров немалого немецкого царства, обуславливало эту отдаленность друг от друга барских убежищ.

Зато так называемые во время оно «малодушные», то есть владельцы двух-трех и много десяти крепостных душ, гнездились в тесном соседстве. Едешь-едешь, бывало, смотришь-смотришь по сторонам – и вдруг с какой-нибудь возвышенности бросится тебе в глаза целая кучка тесовых, камышовых и иных кровель, замелькают частыми зелеными пятнами крошечные садишки, огороженные плетнями, сквозь которые свободно шныряют свиньи и поросята, за сверкает тинистый пруд, заросший осокою и чапыжником,

и зачернеются покоробленные мужицкие избенки, беспорядочной толпою обступившие домики с тесовыми, камышовыми и иными кровлями. Это и есть «малодушные». В подмосковных губерниях народ и теперь помнит этих «малодушных» под несколько презрительным прозвищем «поганных дворян». Чаще всего это были либо недоросли, с грехом пополам одолевшие дьячковскую псалтирь, либо писцы второго разряда, заручившиеся этим вожделенным званием в снисходительной предводительской канцелярии, либо юнкера и прапорщики в отставке. Вообще народ нечиновный. Это те самые предупредительные господа, которые в былое время смиренно терлись в хоромах каждого помещика средней руки, пользовались его кормами, а иногда и старым шлафроком с его плеча, выпрашивали, когда патрон находился в духе, четвертку пшеница, телочку на завод, щенка от борзой суки, возик сенца, – причем подобострастно целовали патрона в плечико и величали его «благодетелем». Это те самые развеселые люди, которые на званых помещичьих обедах и именинных балах так уморительно ходили на четвереньках и выплясывали трепака, в угоду хозяину и на потеху многочисленных подвыпивших гостей, так храбро глотали смесь уксуса с деревянным маслом, сгрызали зубами рюмки и с такими смешными ужимками подражали крику петуха, мяуканью кошки и хрюканью поросенка.

Те из «малодушных», которые не потешали таким невинным образом добродушного дворянства средней руки и не

пресмыкались перед ним в чайнии сюртука с протертыми локтями или засаленной венгерки, – те невылазно жили в своих утлых домишках, иногда сами и косили и пахали наряду с мужиками и вообще образом и подобием мало чем отличались от собственных своих крепостных. Разве что кое-как выбритые подбородки да лохматые усы, спесивая важность в лице да зычный голос, с утра до вечера расточавший ругательства, выдавали их благородное происхождение. У иных же не было и этих признаков дворянского достоинства, и часто фореитор богатого барина, при встрече на узкой дороге с таким опростевшим дворянином, лупил его на все корки арапником, нимало не подозревал, что лупит благородного человека, а не какого-нибудь мещанина-шибая или двоюродного дьяконского племянника.

Обыкновенно раз в три года, а иногда и реже, какой-нибудь милостивец, метивший в предводители, вез «малодушных» на свой счет на выборы, и тогда для них наставлял великий праздник. Их плохо выбритые красные и оплывшие физиономии с буйно растрепанными усами и насаленными «серполетовой» помадой коками (есть такая помада), их венгерки и сюртуки военного и штатского покроя, с буфами в плечах и с талией на затылке, заполоняли все трактиры и кафе-рестораны невысокого разбора, а жадные рты с азартом истребляли целые горы классических котлет с горошком, невероятное количество поросят со сметаной и реки киевских наливок с запахом сургуча и сквернейших водок под

громкими наименованиями тминной, полынной, анисовой и т. п. Улицы и бульвары губернского города оглашались тогда победным гамом их громких до нелепости голосов и пьяными возгласами о дворянской чести, благородстве и о готовности во имя этой чести и этого благородства каждому мимоидущему бить морду. Визг девиц двусмысленного поведения неумолчно стоял над городом во все время присутствования в оном одичавших по захоlustьям мелких дворян. Полицейские чины сбивались с ног, круглые ночи объезжая притоны и дружески увещевая полчища этих захоlustных рыцарей. В залах дворянского собрания пахло луком, сквернейшим табаком и сивухой... Но проходили выборы, допотопные сюртуки военного и штатского покроя бережно укладывались на дно сундуков до нового чрезвычайного случая, и «малодушные», кисло озирая неприхотливые домашние яства, с тоскою поглаживали желудки, отчаянно хватались за разбитые хмелем головы и с остервенением погружались в захоlustные дразги... А дразги эти широким потоком одолевали их дворянское существование. Смежные поля и усадьбы, сварливые соседи, одуревшие со скуки и тоски, разоренные и вечно голодные мужики, ворующие все, что только попадалось под руку и что возможно было украсть, от гвоздя до гнилой подошвы включительно, визгливые барыни и барышни в козловых башмаках и ситцевых платьях; барышни, обожающие душу Пушкина и с замиранием сердечным твердящие наизусть «Полтаву» и «Цыган», барыни с непобедимою

наклонностью к щипкам, плевкам и мордобитию – все это страшно распложило ссоры и сплетни, брань и пересуды.

И ни с кем так безжалостно не поступил шестьдесят первый год, ни на кого не обрушился он с такой сокрушительной стремительностью, как на несчастных «малодушных». Подобно железной метле, прошла по их скученным усадбкам эмансипация и разогнала по широкому лицу земли русской горемык-владельцев. Почва из-под них как-то сразу ушла и ухнула в какое-то бездонное «далеко». Мужичишки, большею частью оказавшиеся «дворовыми людьми», расплозились как тараканы и разнесли по селам и деревням свой нищенский скарб и свои гнилые избенки. Богачи-помещики, в былое время возившие мелкого дворянина на выборы, поившие и кормившие его своими кухнями, не знавшими скудости, и своими неистощимыми запасами яблоненок, вишневок и сливянок, – сами сидели по своим домам с мезонинами в неприятном, предвкушении погибельных времен и с тоской измеряли взорами вновь открывшиеся перспективы всяческих неблагополучий. Нового сословия, с запросами на людей жующих стекло и ходящих на четвереньках, в то время еще не нарождалось. Земля... но ее было так мало, и притом она требовала обработки, обработка же в свою очередь вопияла о деньгах, известных «малодушным» больше по слуху. Приходилось разбегаться – и они разбегались. И куда-куда, не заносила судьба их победные дворянские головы с признаками и без признаков благородного происхождения на

лице!.. От задних комнаток московских трактиров двусмысленной репутации и до щегольских передних новых судебных учреждений, от окрестностей Иверской часовни и до панелей многолюдных петербургских улиц вы могли бы встретить и видеть их, немытых и нечесаных, с пухом в волосах и с следами синяков под глазами... Низшие разборы железнодорожных должностей, вновь объявившиеся канцелярии мировых и земских и иных учреждений, реформы, требовавшие переписки, переписки и переписки – все это, вплоть до наших дней и до пресловутого движения добровольцев в Сербию, – подобно омуту, впитывало в себя мелкого дворянина. А крошечные домишки с тесовыми и иными кровлями гнили и обрушивались и зарастали чертополохом; «заблужденная» мелкодворянская земелька покрывалась сорными травами, порастала бурьяном и бобовником и за бесценнок переходила в руки предприимчивых пионеров нового сословия. Так погибли «малодушные». И редко-редко кто уцелел из них до наших времен и усидел на старом пепелище. Такие уцелевшие обыкновенно применяются к новым порядкам, водворившимся в захолустьях после шестьдесят первого года, и тяготеют к «новому сословию». Они при случае и кабаки снимают, причем вешают на них вывески с надписью «ресторации», они и трактиры открывают, непременно с органом и мамзелью за буфетом (это в каком-нибудь селе Голодалове-то!), и заводят торговлю линючим ситцем да рукавицами, рыжеватым плисом да щегольскими трубками в

оправе, натертой ртутью.

Но есть из них и такие, которых можно назвать закоренелыми. Эти хотя и с грехом пополам, но пытаются жить по старым порядкам и до последней возможности берегут свои дореформенные понятия и взгляды. Обыкновенно они не вовсе уже бедные и в старину обладали не менее как десятью душами, а ныне – пятидесятью десятинами земли. Они – любопытны, эти закоренелые. Они не любят показывать носа в люди и живут в своих насиженных норах безвыходно и безвыездно. Но вы можете видеть их на каком-нибудь избирательном съезде, где они присутствуют иногда в качестве уполномоченных от мелких землевладельцев (это обыкновенно в тех уездах, в которых «новое сословие» не проникло еще надлежащим образом в суть земских отправлений и все еще, в простоте душевной, считает их за времяпрепровождение, никакой выгоды не представляющее). Сидит такой закоренелый на высокой земской скамье, багровеет и задыхается от тугого старомодного галстука и с мучительной сосредоточенностью вслушивается в голос председателя. Но вот он услышал свою фамилию и, благоговейно шагая по шикарному земскому паркету, направляется к ящику. Там он бережно принимает шар из рук кротко и предупредительно улыбающегося председателя – и, либо мрачно и торжественно, либо радостно и застенчиво, кладет всем налево или всем направо: смотря по темпераменту. Кроме этого мерного и благоговейного хождения от скамьи к ящику и от ящика к ска-

мье, кроме подобающих сжиманий лицевых мускулов в пору опускания руки под сукно, – он неподвижен, подобно изваянию, и так же, как изваяние, нем. Пусть нестерпимо сжимает его шею жесткий, как дерево, галстук, пусть режет ему под мышками сшитый в незапамятные времена сюртук, пусть на багровом лице проступает испарина и сосед-купчина с засаленным животом толкает под локоть и таинственным полупшепотом спрашивает: «Нет ли чего продажного?» – он не шевельнется и не промолвит слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.